

УДК 159.9

*Г.С. Прыгин***ФЕНОМЕН СОЗНАНИЯ: ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ИНФОРМАЦИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОЗНАНИЯ ПРОРЫВОМ В ЕГО ПОНИМАНИИ**

В статье обсуждается информационный подход к решению проблемы сознания, рассматриваются философские и психологические информационные теории сознания. Показано, что философские концепции сознания строятся на постулатах о том, что информация, составляющая суть субъективной реальности, обладает свойствами «специфической информационной причинности» и «инвариантности», которые и позволяют, с точки зрения автора концепции, объяснить явление сознания как субъективной реальности. В статье приводятся контраргументы, которые показывают, что выделенные постулаты не могут принципиально решить вопрос о возникновении сознания и его сути. Знания, которые можно получить в рамках информационных концепций сознания, носят «кумулятивный» характер и не добавляют ничего принципиально нового к пониманию явлений субъективной реальности. В связи с этим ставится вопрос о новом переосмыслении «основного философского вопроса».

Ключевые слова: информация, сознание, субъективная реальность, голограммы, нейросети, психоинформация.

В историческом плане проблема сознания, пожалуй, – одна из самых интересных и загадочных из всех проблем, волновавших умы человечества. Со времен Гераклита (544–483 гг. до н. э.) обсуждается вопрос об отношении сознания к материи и всем известны основные направления, в рамках которых философы пытались найти на него ответ. К ним обобщенно относятся материализм, дуализм, объективный и субъективный идеализм. Исторически сложилось так, что в западной науке и в особенности, в нашей стране доминирующей в научных исследованиях стала методология материализма. Поэтому практически все концепции сознания, в которых делаются попытки раскрыть его онтологический статус и определить его гносеологические аспекты, опираются на примат материи.

Однако нашей целью не являются ни критический анализ указанных методологий, ни подробное описание всех наиболее известных теорий сознания (что и невозможно сделать в рамках статьи), тем более что таких аналитических работ и в области философии, и в психологической науке уже достаточное количество. В частности, в области философии они представлены такими отечественными и зарубежными авторами, как В.В. Васильев [4], Д.И. Дубровский [8, 9], Д.В. Иванов [11], В.В. Налимов [16; 17], Т. Нагель [14; 15], Дж. Серл [20; 21], Д. Чалмерс [23] и др.; в области психологии – Г.В. Акопов [1; 2], В.М. Аллахвердов [3], Л.М. Веккер [5], Л.С. Выготский [6], В.П. Зинченко [10], А.Р. Лурия [12], В.А. Мазиллов [13], В.Ф. Петренко [18], В.И. Степанский [22] и др. Особо отметим аналитические обзоры методологических подходов и концепций сознания, которые с психологической точки зрения представлены Г.В. Акоповым [2], с философской позиции – Д.И. Дубровским [8] и Д.В. Ивановым [11]. В этих работах дан подробный анализ обширной литературы по проблеме сознания и выражена собственная (часто критическая) точка зрения на решение этой проблемы. Всем желающим более обстоятельно познакомиться проблемой сознания и возможными путями ее решения можно порекомендовать указанные выше работы.

Цель нашей статьи более скромна – рассмотреть широко обсуждаемую в современном научном мире информационную концепцию сознания и постараться оценить ее эффективность и перспективу.

Среди многочисленных философов и психологов, особенно активно работающих в информационной парадигме сознания, выделим прежде всего работы Д.И. Дубровского, рассматривающего информационную теорию сознания с философской точки зрения, а также работы Л.М. Веккера и В.И. Степанского, разрабатывающих данную парадигму в психологическом аспекте.

Д.И. Дубровский в своей аналитической работе [8] указывает, что проблему сознания на протяжении веков представители разных наук (философы, психологи, медики, биологи, лингвисты и др.) пытались решить в рамках четырех методологических подходов: объективного идеализма, дуализма, субъективного идеализма и материализма. Сам автор, анализируя все эти подходы, останавливается на материалистической методологии, считая ее наиболее перспективной и отвечающей требованиям современных (естественных) наук, хотя при этом и отмечает, что объяснение сознания остается самой трудной теоретической задачей для материалистической философии. Мы не будем сейчас обсуждать оптимальность и, главное, перспективность этой методологии, а остановимся на основных концептуальных положениях его теории.

Итак, согласно Д.И. Дубровскому «главное, специфическое и неотъемлемое качество сознания состоит в том, что оно является субъективной реальностью. ... Понятие субъективной реальности (далее сокращенно – СР) обозначает осознаваемые психические состояния индивида, удостоверяющие для него факт его существования. Оно охватывает и отдельные явления СР и их виды (ощущения, восприятия, чувства, мысли, намерения, желания, волевые усилия и т. д.), и целостное персональное образование, представленное нашим Я, которое берется в его относительном тождестве самому себе, а потому и в единстве его рефлексивных и арефлексивных, актуальных и диспозициональных регистров. Это целостное образование представляет собой динамический (лучше сказать, исторический) континуум, временно прерываемый глубоким сном или случаями потери сознания и окончательно пресекаемый смертью. СР всегда представляет собой определенное "содержание", в силу чего важнейшим свойством сознания является его интенциональность. Это "содержание" дано индивиду в форме "текущего настоящего", т. е. сейчас, хотя оно может выразить прошлое и будущее» [8].

Из приведенной цитаты видно, что автор считает понятия «сознание» и «субъективная реальность» синонимичными, с чем трудно согласиться. Вызывает также вопрос само определение сознания через осознаваемые психические состояния индивида («Понятие субъективной реальности [читай – сознание. – Г.П.] обозначает осознаваемые психические состояния индивида...»).

С позиции психолога «субъективная реальность» относится скорее к понятию «психика», чем к сознанию. Наша мысль подтверждается тем, что автор анализируемой статьи, совершенно обоснованно, допускает существование субъективной реальности у высших животных: «СР в своем специфическом качестве присуща не только сознанию человека, но и психике животных, о чем свидетельствует опыт общения с животными и данные зоопсихологии...». Наличие психики у животных (тем более у высших) – это научно установленный факт. В любом случае, с позиции онтологии, факт существования сознания, субъективной реальности общепризнан и практически ни у кого не вызывает возражений. Нельзя не согласиться с автором статьи и в том, что сознание, субъективная реальность суть идеальные понятия, а, следовательно, не имеют физических характеристик, что и составляет главные теоретические трудности материалистического объяснения сознания и прежде всего при попытках непротиворечиво вписать его в физическую картину мира.

Критикуя физикализм, при котором явления сознания сводятся к физическим процессам и функционализму, когда они редуцируются до функциональных отношений, как способы объяснения сознания, Д.И. Дубровский постулирует выделение в категории *причинности* двух ее видов: физическую и информационную – полагая, что отрицание специфики информационной причинности, не позволяет объяснить каузальную функцию явлений субъективной реальности, отводя им роль «эпифеноменов».

На первый взгляд, признание специфики информационной причинности – это наиболее сильный постулат во всей информационной концепции сознания Д.И. Дубровского. Именно такой подход позволяет ему как-то описать (объяснить) влияние по своей сути идеальной информации на свой материальный носитель (обозначим его обобщенно как «нейросеть»). Однако его объяснение специфики информационной причинности рождает ряд вопросов, требующих если не ответов на них, то, по крайней мере, серьезных разъяснений.

Итак, в концепции Дубровского можно выделить ряд тезисов, которые сами по себе не вызывают возражений. К ним можно отнести следующие [8]:

– «субъективная реальность – находка биологической эволюции, означавшая возникновение психики, нового типа информационного процесса, выработанного в ответ на усложнение живой системы и ее потребности самоорганизации... Тем самым решалась проблема поддержания целостности высокоразвитой живой системы и оптимизации ее поведения. Состояние субъективной реальности, ...создает возможность емкого и эффективного синтеза многоплановой информации о внешнем окружении биологической системы и о существенных изменениях в ней самой ...».

– «В ходе антропогенеза произошло качественное развитие СР, возникает сознание, а вместе с ним язык. Особенностью сознания по сравнению с животной психикой является то, что психическое отображение и управление сами становятся объектом отображения и управления. Это создает характерное для человеческой СР "двойное" отображение и управление, постоянно совершающееся в контуре модальностей "Я" – "не-Я". Возникает способность по существу неограниченного производства информации об информации, возможность абстрагирования, высокой степени свободы "движения" в сфере СР в смысле пробных мысленных действий, моделирования ситуаций, ..., не связанных непосредственно с задачами выживания, возможность целеполагания и волеизъявления».

– «Всякое явление СР есть некоторое "содержание", т. е. информация, воплощенная (закодированная) в определенной мозговой нейродинамической системе. Но эта информация дана нам в "чистом" виде – в том смысле, что ее мозговой носитель нами не отображается (еще К. Прибрам [19] и Л.М. Веккер [5] писали о «трагической» невидимости субстрата психических процессов. – Г.П.)».

Приведенные тезисы, как отмечено выше, не вызывают возражений и, в целом, отражают позиции большинства авторов, разделяющих информационный подход к объяснению феномена сознания. В частности, примерно об этом же пишет и В.И. Степанский: «Будучи явлением психическим, сознание в то же время представляет собой информационный процесс, а содержание сознания есть не что иное, как интегрированное отображение природной среды, информационной среды, собственного организма как природного тела и как социального субъекта (самосознание), а также отображение самого себя (рефлексия)» [22. С. 27].

Далее Д.И. Дубровский пишет: «Вместе с тем в явлениях СР нам дана не только способность иметь информацию в "чистом" виде, но и способность оперировать этой информацией с высокой степенью произвольности (переключать внимание, направлять движение своей мысли и т.п.). Именно данность информации в "чистом" виде и способность управлять ею выражают специфические черты того, что именуется СР. Но способность управлять информацией в "чистом" виде означает не что иное, как нашу способность *управлять* (выделено нами. – Г.П.) соответствующим классом собственных мозговых нейродинамических систем – ведь информация необходимо воплощена в своем носителе, и если я могу по своей воле управлять информацией, то это равнозначно тому, что я могу управлять ее носителем, ее кодовым воплощением» [8].

И здесь возникает первый вопрос: управлять нейродинамическими системами, как, посредством чего? Очевидно термин «чистая» информация вводится автором цитируемой статьи для того, чтобы обозначить влияние идеальной информации на материальный носитель и, таким образом, постулировать специфику информационной причинности? Тем более, что дальше следует тезис о том, что «это связано со спецификой психической причинности, которая является видом информационной причинности (последняя) отличается от физической причинности тем, что в силу принципа инвариантности информации по отношению к физическим свойствам ее носителя *здесь причинный эффект определяется именно информацией, а не физическими свойствами ее носителя...*» (Там же).

Второй возникший вопрос – об инвариантности информации. В другой работе [9] он формулирует две исходные посылки своей теории, причем вторая относится именно к инвариантности: «...информация инвариантна по отношению к физическим свойствам своего носителя (одна и та же информация может быть воплощена и передана разными по своим физическим свойствам носителями, т. е. кодироваться по-разному; например, информация о том, что завтра ожидается гроза, может быть передана на разных языках, устно, письменно, с помощью азбуки Морзе и т. д.; во всех этих случаях ее носитель может быть разным по величине массы, энергии, пространственно-временным характеристикам)».

Однако и в этой посылке всё не так просто. Действительно, инвариантность информации не вызывает сомнений только в том случае, когда в качестве ее носителей выступают различные материальные (внешние, по отношению к человеку, «не живые») носители; когда же мы касаемся мозговых структур, инвариантность информации носит весьма условный характер. Попробуем обосновать это. Прежде всего, сошлемся на цитату из К. Прибрама: «Восстановление того, что более длительное время хранится в памяти, зависит главным образом от повторения данной структуры, которая первоначально вызвала этот процесс сохранения, или ее существенных частей. Эта способность «адресоваться» *прямо к содержанию информации безотносительно к ее локализации* (выделено нами. – Г.П.), которая столь легко достигается в *голографическом процессе* (выделено нами. – Г.П.), устраняет необходимость иметь в мозгу специальные пути или пункты для хранения информации» [19. С. 179]. Именно эта «способность «адресоваться» *прямо к содержанию информации безотносительно к ее локализации*» связана с голографическим принципом работы мозговых структур, она и создает иллюзию того, что «*причинный эффект определяется именно информацией, а не физическими свойствами ее носителя*».

К. Прибрам не зря формулирует и доказывает свою гипотезу о том, что мозговые структуры функционируют по голографическому принципу. Это вполне логично, если учесть, что для возникновения голографического эффекта необходим материальный носитель, и вспомнить, по крайней мере, три основных свойства голографии: способности к распределению и сохранению большого количества информации; того, что любая малая часть голограммы содержит информацию обо всем объекте-

оригинале и, следовательно, может восстановить ее; в третьих, на один и тот же носитель может быть последовательно наложено несколько изображений, а затем каждое из них может быть восстановлено в отдельности, не испытывая помех со стороны других.

Применительно к нейросетям, этот принцип выражается в том, что «в любой момент времени входное воздействие коррелирует не только с конфигурацией возбуждения, существующего в любом пункте, но также со структурами возбуждения, прибывающими от других уровней системы» [19. С. 174]. Таким образом, суть инвариантности информации (по отношению к нейросетям) состоит в том, что один и тот же субъективный образ может порождаться (отображаться в виде кодов) разными (чаще всего ассоциативными) нейросетями, что и создает иллюзию его оторванности от своего носителя. Следовательно, инвариантность никак не предполагает, что информация, присутствующая в субъективной реальности, существует сама по себе в отрыве от ее материального носителя, и тем более того, что один субъективный образ может без посредства материального субстрата породить другой субъективный образ или без обращения к своему носителю породить новый образ (кстати, никакого нового образа сознание само по себе создать не может). Кроме того, информация если и обладает определенной степенью инвариантности (поясним это ниже) по отношению к ее носителям (нейросетям, ее порождающим), то из этого никак не проистекает ее способность непосредственно *влиять* на материальный носитель. Как пишет В.И. Степанский, «... возможно также и выражение (рефлексивным сознанием. – Г.П.) одного и того же содержания разными знаками (синонимия) и наоборот – объединение разных содержаний в одном знаке (полисемия). Всё это и создает обманчивое впечатление отрыва информации от своего природного носителя, т. е. отрыва идеального от материального, тогда как на самом деле в рефлексивном сознании происходит прямо противоположное: порожденная нервным субстратом информация приобретает еще одну материальную форму в виде знака и только в этой форме и никак иначе возникшая психоинформация может быть оторвана и выведена за пределы своего носителя – нейронной структуры мозга» [22. С. 73].

Таким образом, информация *приобретает еще одну материальную форму в виде знака* только в том случае, если эта материальная форма знака создается за пределами сознания человека, например, рисунок того же дерева на холсте или просто слово «дерево», написанное на бумаге. Только в таком смысле этот знак можно рассматривать как информацию, оторванную от своего носителя – нейронной структуры мозга. А психоинформацией она является потому, что, при ее обнаружении субъектом, она способна опять «соединиться» со своим носителем – нейронной структурой мозга. Напомним, что под психоинформацией мы вслед за В.И. Степанским понимаем *содержание происходящих в центральной нервной системе информационных процессов, непосредственно данных человеку в виде осознаваемых психических явлений*, т. е. по сути, психоинформация представляет собой то, что Д.И. Дубровский называет субъективной реальностью.

Во всех случаях функционирования сознания первичным по отношению к его содержанию являются мозговые структуры, и какое-либо новое содержание субъективной реальности возникает не в результате взаимодействия между собой различной информации, присутствующей в данный момент времени в поле сознания, а в результате работы таких подсознательных процессов, как памяти, мышления и других когнитивных структур. «В познавательном отношении сознание само по себе репродуктивно: никакие новые знания, представления, ощущения сознанием не продуцируются, т.е. сознание никоим образом не подменяет и тем более не заменяет психические процессы мышления, восприятия, памяти и др. Весьма наглядно это проявляется в тех случаях, когда, имея достаточный запас знаний, человек не может найти решения “головоломки”, или задачи “на сообразительность” ... Во всех ситуациях такого рода сознание человека оказывается лишено необходимого информационного содержания, которое как бы не поступило в его распоряжение, а выражаясь точнее, не отобразилось в нем» [22. С. 70].

Конечно же, и в этих процессах, так или иначе, участвует информация, присутствующая в сознании, но она, во-первых, изначально есть порождение мозговых структур; во-вторых, не отделена от них и, в-третьих, отнюдь не является решающей в получении новой информации. Поясним вышесказанное на упрощенном примере, как, с нашей точки зрения, «управляет» нейросетями идеальная информация, представленная в сознании и в чем суть ее «инвариантности».

Пусть, например, в сознании содержится образ некоего дерева, в соответствие с этим в данный момент актуальным является тот сегмент нейронных цепочек, который сформировал этот образ. Далее, по ассоциативному принципу актуализируются (чаще всего) смежные нейронные сети, которые

по смысловому значению связаны с этим понятием: например, «лопата», «земля», «удобрения», «листья», «плоды» и т. д. – и эта новая информация поступает в сознание субъекта. Если в данный момент времени мыслительный процесс протекает без конкретной цели, то он разворачивается в виде свободного (спонтанного) потока, который направляется случайными ассоциациями (всем хорошо известное состояние, когда мы думаем «ни о чем»). Если же наше мышление подчинено конкретной цели (опять же рожденной в мозговых структурах под действием наших потребностей, эмоций, влечений и пр.), то в сознании начинает «объективироваться» та информация, которая с точки зрения субъекта необходима для достижения цели. Причем и в этом случае, новая необходимая информация не «запрашивается обращением сознания (идеальным образом) к нейросетям», а получается им из них по тому же ассоциативному принципу; однако здесь имеет место, по-видимому, уже целевой ассоциативный отбор информации. Воздействовать (управлять) же напрямую одним субъективным образом (представленном в сознании) на другой такой же образ (без обращения к нейросетям) сознание, с нашей точки зрения, не может.

В простейшем случае этот процесс можно описать так. Принято считать, что содержание сознания в каждый данный момент составляют некоторое количество одновременно присутствующих образов (единиц информации) и что они могут между собой взаимодействовать напрямую. Так ли это? Возможно, сознание оперирует всегда каким-то одним образом (одной единицей информации), но скорость, с которой этот образ ассоциативно вызывает к сознанию другой образ, создает иллюзию присутствия в сознании двух образов (в реальности множество последовательных образов), отсюда и возникает иллюзия инвариантности и возможности взаимодействия между ними напрямую. Можно предположить, что информация, представленная в сознании, поступает в него не симультанно, а сукцессивно. По сути, высказанные выше предположения снимают вопрос о необходимости выделения «специфики информационной причинности» и «инвариантности» информации, представленной в субъективной реальности.

Косвенным подтверждением наших рассуждений может служить то, как понимал *сознательность* Л.С. Выготский: «Самую сознательность, или сознаваемость, нами своих поступков и состояний следует, видимо, понимать прежде всего как правильно функционирующую в каждый сознательный момент систему передаточных механизмов с одних рефлексов на другие. Чем правильнее всякий внутренний рефлекс в качестве раздражителя вызывает целый ряд других рефлексов из других систем, передается на другие системы, тем более мы способны отдавать отчет себе и другим в переживаемом, тем оно переживается сознательнее (чувствуется, закрепляется в слове и т. д.)» [6. С. 88]. И далее «Сознание своих переживаний и означает не что иное, как имение их в качестве объекта (раздражителя) для других переживаний. ...именно способность рефлекса (переживания предмета) быть раздражителем (предметом переживания) для нового рефлекса – этот механизм сознательности и есть механизм передачи рефлексов из одной системы в другую... *Сознание всегда эхо, ответный аппарат* (выделено нами. – Г.П.)» [6. С. 89]. Конечно, исследование мозговых структур ушло далеко вперед, в сравнении с началом 19 века и сейчас уже никто не рассуждает о рефлексах (вспомним хотя бы о голографической гипотезе работы мозга), однако суть рассуждений Л.С. Выготского от этого не меняется и, с нашей точки зрения, не теряет актуальности.

Возвращаясь к нашему анализу, можно констатировать, что в любом из двух описанных выше примеров, эти процессы запускаются мозговыми структурами, а не той информацией, которая в данный момент составляет содержание сознания. В.И. Степанский по этому поводу пишет [22], что модели среды возникают произвольно как результаты не контролируемых сознанием когнитивных процессов, однако их сравнение, проверка, оценка и выбор осуществляются сознанием произвольно, благодаря его способности в каждый данный момент рефлексировать свое содержание, отображая его с помощью усвоенных различных знаковых систем (добавим) отображенных в соответствующих нейроструктурах.

Таким образом, причинно-следственная связь (т. е. «влияние»), отображенная в условной паре «субстрат – информация», действует только в одном направлении: от «субстрата к информации», – но никак не наоборот, а, следовательно, выделять особую «специфическую информационную причинность» нет никаких оснований; работа сознания во многом определяется неосознаваемыми психическими, а также физиологическими процессами, в частности, биохимическими, управление которыми сознанию недоступно.

Как бы подтверждая наш вывод, Л.С. Выготский приводит размышление Г.В. Плеханова о том, «могут ли психические процессы влиять на телесные. Во всех случаях, где рассказывается о влиянии психических процессов вроде испуга, сильных огорчений, тягостных переживаний и т.д., на телесные процессы, факты большей частью передаются верные, но истолкование их дается неправильное. Во всех этих случаях, конечно, не само по себе переживание, не сам по себе психический акт (как говорил Павлов, страстное желание еды) воздействует на нервы, но соответствующий этому переживанию физиологический процесс, составляющий с ним одно целое, приводит к тому результату, о котором мы говорим» [6. С. 140].

В связи с изложенным выше, возникает вопрос: что принципиально нового привносит в понимание сущности сознания введение термина «информация»? Анализ философской информационной концепции сознания показал, что она построена на постулате о наличии у информации двух свойств: свойства «специфической информационной причинности» и «инвариантности». Однако наделение этими свойствами именно той информации, которой оперирует субъективная реальность, вызывает, с нашей точки зрения, серьезные сомнения (еще раз подчеркнем что, эти свойства приписываются в данном случае именно информационным процессам, происходящим в сознании человека).

Кроме того, само привлечение термина «информация» для объяснения природы сознания (напомним, с позиции методологии материализма) нам представляется возможным, но его использование носит скорее эвристический, чем объяснительный характер, и вот почему. На первый взгляд, кажется, что введение термина «информация» позволяет лучше понять, как человек оперирует знаком (под которым мы, прежде всего, естественно, понимаем слово). Но, во-первых, термин «информация» был введен и обоснован Винером [7] в середине XX в. для объяснения процессов, происходящих в сложных технических системах и уж никак не для того, чтобы посредством него объяснять явления субъективной реальности. Во-вторых, Л.С. Выготский еще в 1924 г. показал роль и значение знака в процессах, раскрывающих суть сознания. Что принципиально нового добавляет информационная концепция сознания к теории сознания, созданной Л.С. Выготским, – с нашей точки зрения, практически ничего. То, новое знание о субъективной реальности, которое возможно дает информационная теория, можно отнести к разряду «кумулятивного» знания, но никакого «революционного», качественно нового прорыва в понимании сути сознания, увы, нет. Здесь, как говорят, можно вспомнить принцип «бритвы Оккама», который гласит «не создавать сущностей сверх потребности»; зачем создавать новые теории, если наблюдаемые факты можно объяснить в рамках старых теорий. Как совершенно справедливо отмечает Д.В. Иванов, «Отождествляя сознательное состояние с определенным информационным состоянием, мы по-прежнему сталкиваемся с трудной проблемой сознания. Вопрос о том, почему информационное состояние, с которым мы отождествляем сознательное состояние, должно сопровождаться сознательным опытом, остается без ответа» [11. С. 90].

Конечно, психоинформация – это, прежде всего, изменение состояния нервного субстрата, но почему она у человека не только «знается», но и «осознается»? Ведь «знать» – это еще не значит «осознавать». Животные своей психикой тоже отображают окружающую среду, они ее «знают», но не осознают – отсутствует знак! Общепринято, что это изменение нервного субстрата отображается в сознании в виде знаков, но, почему знак именно осознается, а не только «знается»? Рассуждая о значении языка и речи в процессах мышления, К. Прибрам пишет: «Несколько сложнее употребление глаголов, таких, как «бежать», «ловить», «течь», и других частей речи – прилагательных, наречий, пока не наступит осознание (выделено нами. – Г.П.) того, что они также отражают формы существования и событий и поэтому являются формами номинализации» [19. С. 403]. И далее, «Номинализация, основанная на создании знаков, обеспечивает обширную, свободную от контекста основу человеческого языка...» [19. С. 404].

Итак, знаки (язык) рождают образы, которые согласно всем психологическим (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия) и нейропсихологическим (К. Прибрам) теориям составляют основное содержание сознания, причем механизмы порождения образов могут быть различными. Как отмечает К. Прибрам, гештальтисты в значительной мере были правы в своем нативизме (говоря о том, что существуют врожденные нервные механизмы формирования образов), однако, пишет К. Прибрам [19], они были неправы, когда утверждали, что это единственный механизм восприятия; к таковым относятся также и механизмы мозга, участвующие в создании как знаков, так и символов, и которые представляют собой системы действия. Тем не менее, и в этих теориях мы не можем найти ясного ответа на вопрос «как знание превращается в осознание»? С психологической точки зрения ответ вроде бы прост: ну,

например, можно сказать, что осознание, в частности, это рефлексия. Однако и такое объяснение не раскрывает сам момент осознания! Даже если допустить наличие «специфики информационной причинности» и «инвариантности» в содержании сознания, то и в этом случае вопрос о том, как у человека знак становится осознаваемым, так и остается загадкой.

Ну и, наконец, вопрос о способности информационной теории сознания объяснять те эмпирические факты, которые нельзя объяснить в рамках уже существующих других теорий сознания. Д.И. Дубровский совершенно справедливо пишет, что вопрос «о соотношении теоретического и эмпирического – узкое место в проблеме сознания, требует основательной разработки. Эмпирические исследования явлений сознания, массив которых многократно увеличился за последние три десятилетия, это – живительный источник развития традиционных направлений в разработках проблемы сознания, и особенно новейших направлений, которые ставят в центр внимания исследование субъективной реальности» [8].

Всё именно так, но способна ли информационная теория сознания объяснить те эмпирические факты, которые получены, например, в рамках трансперсональной психологии (не говоря уже о других, мало исследованных, но, безусловно существующих паранормальных феноменах сознания)? Ответ очевиден – нет, не может. Конечно, само понятие «информация» позволяет многое понять, например, в психосемантике сознания [18], но никак не может объяснить непосредственное влияние содержания сознания на его материальный носитель. По сути, и на современном этапе развития науки природа сознания остается по-прежнему не раскрытой, а наше знание о субъективной реальности, всё также состоит в основном из описания ее функций и структуры. Нам кажется, что связывать надежды решения этого вопроса с прогрессом в изучении физиологии мозга или биологических наук не стоит. Здесь нужны иные методы, иные подходы и скорее всего в области психологии и философии.

В этой связи интересны исследования и гипотезы К. Прибрама о голографическом принципе работы мозга, который пишет, что «Наблюдения, указывающие на то, что мозг и особенно зрительная система организованы как по голографическому, так и по структурному принципу, вновь выдвигают проблему изоморфизма в отношении между физическим миром и восприятием... ученые приходят к мысли о том, что *внешний мир построен по голографическому и структурному принципам* (выделено нами. – Г.П.), подобно ... голографической и структурной организации нервной системы... Следовательно, Кёлер был прав, предполагая, что между мозгом и другими физическими устройствами существует известный изоморфизм. Однако он еще не был в состоянии раскрыть те законы, которые дают возможность как психологу, так и физику обеспечить описание *единой* структуры мира» [19. С. 422].

Таким образом, если выдвинутые тезисы о наличии у информации, составляющей содержание субъективной реальности, свойств «специфической причинности» и «инвариантности» можно поставить под сомнение, то остается задать риторический вопрос: может, надо в свете последних научных данных (прежде всего в области физики и психологии) опять вернуться к «основному вопросу философии» и пересмотреть отношение к нему?

Нельзя не согласиться с В.В. Налимовым, который писал, что «Философия должна будет, как мне представляется, сомкнуться с наукой, а возможно и с религией, если она готова откликаться на современные проблемы... Может быть необходимо разрабатывать также и вероятностную логику, ценность которой состоит в том, что она выходит за рамки причинности и оперирует со спонтанностью, опираясь на вероятностную размытость описания явлений, открывая новый взгляд на мир» [17. С. 55]. Иначе «трудная проблема сознания» так и останется трудной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акопов Г.В. Проблема сознания в современной психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, вып. 3. С. 43-64.
2. Акопов Г.В. Психология сознания: Вопросы методологии, теории и прикладных исследований. М.: Институт психологии РАН, 2010. 272 с.
3. Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс (Экспериментальная психологика, т. 1). СПб.: Издательство ДНК, 2000. 528 с.
4. Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 272 с.
5. Веккер Л.М. Психические процессы. Т. 1. СПб.: Изд-во ЛГУ, 1974. 334 с.
6. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1982. 488 с.

7. Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. М.: Советское радио, 1968. 325 с.
8. Дубровский Д.И. Проблема сознания: опыт обзора основных вопросов и теоретических трудностей. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001040/st000.shtml>.
9. Дубровский Д.И. Проблема «сознание и мозг»: информационный подход // Знание. Понимание. Умение. 2013. Вып. 4. 2013. С. 92-98. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-soznanie-i-mozg-informatsionnyy-podhod>
10. Зинченко В.П. Сознание как предмет и дело психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1, вып. 1. С. 207-231.
11. Иванов Д.В. Природа феноменального сознания. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 240 с.
12. Лурия А.Р. Язык и сознание / под ред. Е.Д. Хомской. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1979. 320 с.
13. Мазилев В.А. Стены и мосты: методология психологической науки. Монография. Ижевск: ERGO, 2015. 196 с.
14. Нагель Т. Мыслимость невозможного и проблема духа и тела // Вопр. философии. 2001. № 8.
15. Нагель Т. Что все это значит? Очень краткое введение в философию / Пер. с англ. А. Толстова. М.: Идея-Пресс, 2001. 84 с.
16. Налимов В.В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М. 1990. 287 с.
17. Налимов В.В. Осознающая себя Вселенная / Астрономия и современная картина мира // РАН. Ин-т философии; ред. В.В. Казютинский. М.: ИФ РАН, 1996. С. 50-55.
18. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. 2-е изд. М.: Эксмо, 2010. 480 с.
19. Прибрам К. Языки мозга. Экспериментальные исследования и принципы нейропсихологии. М.: Прогресс, 1975. 464 с.
20. Серл Дж. Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.
21. Сёрл Дж. Сознание, мозг и наука // Путь. Международный философский журнал. 1993. № 4. С. 3-66. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2010/05/20/1214101925/002_Dzhon_Serl_Soznaniex2c_mozg_i_nauka_03-66.pdf.
22. Степанский, В.И. Психоинформация. Теория. Эксперимент. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. 136 с.
23. Чалмерс, Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 512 с.

Поступила в редакцию 17.10.17

G.S. Prygin

THE PHENOMENON OF CONSCIOUSNESS: IS THE INFORMATIONAL CONCEPT OF CONSCIOUSNESS LIKE A BREAKTHROUGH IN ITS UNDERSTANDING?

The article discusses the informational approach to solving the problem of consciousness; both philosophical and psychological information theories of consciousness are considered. It is shown that philosophical concepts of consciousness are based on postulates that the information constituting the essence of subjective reality, has the properties of "specific informational causality" and "invariant", which allow, from the point of view of the author of the concept, explain the phenomenon of consciousness, subjective reality. The article presents counterarguments which show that the isolated postulates can not fundamentally solve the problem of the origin of consciousness and its nature. The knowledge that may be obtained in the framework of the concepts of informational consciousness is of "cumulative" character and does not add anything essentially new to the understanding of the phenomena of subjective reality. In this regard, the problem of rethinking "the basic philosophical question" is stated.

Keywords: information, consciousness, subjective reality, holograms, neural networks, psychoinformation.

Прыгин Геннадий Самуилович,
доктор психологических наук, профессор
Набережночелнинский институт (филиал)
Казанского федерального университета
423812, Россия, Республика Татарстан, г. Набережные
Челны, проспект Мира, д. 68/19
E-mail: gsprygin@mail.ru

Prygin G.S.,
Doctor of Psychology, Professor
Naberezhnochelninskiy Institute (branch)
of the Kazan Federal University University
Prospekt Mira, d 68/19, Naberezhnye Chelny,
Republic of Tatarstan, Russia, 423812
E-mail: gsprygin@mail.ru